

Виктор ПАНКОВ

«МАКСИМ, ДАВАЙ В НЕБО СМОТРЕТЬ!»

О ГОРЬКОМ-ХУДОЖНИКЕ

На протяжении многих лет я убедился: чем больше изучаешь Горького, тем сильнее любишь его как писателя. Удивительно, насколько он многогранен, какая динамическая страсть к художественному поиску сопутствовала ему всю жизнь.

Разговор о Горьком-художнике актуален не только потому, что открывает особенности дарования одного писателя. Он неизменно связан с познанием принципов нового художественного метода. В этих заметках на отдельных примерах речь пойдет о горьковском мастерстве. И вместе с тем о том, как входил в нашу жизнь, в наше сознание писатель, последние годы деятельности которого совпали с годами юности моего поколения.

Живо сохранилось в моей памяти одно из первых впечатлений, когда горьковские строки прозвучали для меня, словно стихи. Это было в школе. Наша прекрасная учительница литературы Ольга Владимировна Булычева-Линк, прежде чем познакомить нас с рассказами Горького, дала диктант. И вот строка за строкой льются фразы:

«— Максим! Давай в небо смотри!»

Мы лежали на спине и смотрели в голубую бездну над нами. Сначала мы слышали и шелест листьев вокруг и всплески воды в озере, чувствовали под собою землю... Потом постепенно голубое небо как бы притягивало нас к себе, мы утрачивали чувство бытия и, как бы отрываясь от земли, точно плавали в пустыне небес, находясь в полудремотном, созерцательном состоянии и стараясь не разрушить его ни словом, ни движением.

Так лежали мы по несколько часов кряду и возвращались домой к работе духовно и телесно обновленные и освеженные.

Отрывок живописен и музыкален. При чутком слухе музыкальность можно было бы «разложить» на составные части, на аллитерации: они явственны в передаче шестеста листьев, всплесков воды. Но есть здесь, кроме аллитераций, ощущение простора небесного, поэтическая влюбленность в природу. Да и ритмика этих фраз очень органична для настроения героев.

Лаконичный и в то же время сердечный по интонации призыв — в небо смотреть. Потом фразы удлинняются, и самая развернутая приходится на картину голубого неба, на лиризм его восприятия. Затем словесная мелодия снова укорачивается. Почти физически ощутимым становится для читателя духовное и телесное обильное горьковских героев.

Слова завораживали, порождая желание самому лежать на земле, смотреть в небо.

— Ольга Владимировна, кто автор? — не вытерпел я.

— Подумайте сами, — загадочно улыбнулась учительница и продолжила диктант: — Коновалов...

— Горький!

— Да, Горький. Пишите дальше:

«...Коновалов любил природу глубокой, бессловесной любовью, и всегда, в поле или на реке, весь проникался каким-то миролюбиво-ласковым настроением, еще более увеличивавшим его сходство с ребенком».

Тогда я помнил в общих чертах о несчастной жизни Коновалова, но при беглом чтении она не задерживалась долго в памяти подростка. А тут стал близок вдруг уже не литературный герой, а живой человек.

Рассказ «Коновалов» мне встomинается довольно часто. Люблю его перечитывать, отношу к наилучшим произведениям Горького. Только трудно мне было поверить в несчастья, тоску, бездомность пекаря Александра Коновалова. Юношескому сознанию моему мешало совпадение фамилий.

В городе нашем, в Вишуге (Ивановская область), фамилия Коновалов была символом богатства. До революции большая текстильная фабрика принадлежала Коноваловым. Хотя и носила она уже имя Ногина, однако по привычке называли ее коноваловской, так же как другие — кокоревской, разореновской, а механический завод — пелевинским. Кстати, в статьях Алексея Максимовича встречаются упоминания Коновалова и Кокорева, а история семьи Разореновых частично использована в «Деле Артамоновых».

Постепенно совпадение фамилий перестало быть помехой при восприятии героя рассказа. Предстал Александр Коновалов особо как один из интереснейших характеров, созданных Горьким.

Из всех рассказов «босяцкого» цикла «Коновалов» убедительней всего свидетельствует, что молодой Горький не жаждал лаверов «павца босяков», коим объявляла его либерально-буржуазная критика.

Ни у кого из читателей, конечно, не возникает сомнения в искренности любви Горького к Коновалову. Многие восхищались писателем в этом пекаре — и богатырская сила, и артистизм в работе, и доброта к товарищам, и поиски смысла жизни. Но прежде всего это рассказ-спор, в сущности, непрерывная дискуссия с героем. Любовь автора к Коновалову пронизана полемикой с ним и глубже всего выражается именно в этой полемике.

Горьковед Б. В. Михайловский отмечал: «Рассказчик

просвещает Коновалова, стремится раскрыть ему глаза на общественное неравенство и гнет, которые сводят трудящихся «на степень социального нуля», стремится пробудить у Коновалова протест, мятежную настроенность».

Дополняя это верное соображение, стоит подчеркнуть: хотя в названии рассказа фигурирует определенная фамилия, хотя на Коновалова обращено основное внимание, главными героями являются два человека. Образ автора не ограничен ролью наблюдателя, «объяснителя», просветителя. Это полнокровный художественный образ не просто коноваловского друга, а друга-оппонента. Кстати, выступает он не как Алексей Пешков, а под именем Максима.

По рассказу Максиму восемнадцать лет, а написан рассказ двадцативосьмилетним Максимом Горьким. К моменту создания «Коновалова» у Горького был уже большой опыт работы над «босяцкими» рассказами. По сравнению с другими из них роли рассказчика здесь придана значительно большая активность. И это очень важно для понимания горьковского отношения к босьякам.

Любовь к герою и спор с ним — основа сюжета в рассказе. Конфликт Коновалова с буржуазным обществом, отвергающим таких людей, как он, в то же время переплетается с идейным конфликтом: автор раскрывает иллюзии босяков и босячества. Очень тонкие психологические тона окрашивают сюжет и настрое-

Иллюстрация В. Носкова к «Песне о Соколе» из книги «Максим Чудра» и другие рассказы. Издательство «Детская литература», Москва. 1967 г.

ние рассказа. Несомненно жалость и доброе дружеское чувство автора к Коновалову. Но столь же несомненна и защита Коновалова от самого Коновалова, явная непримиримость к его примиренчеству с жизнью несправедливой, к его фатализму, попыткам объяснить свои страдания только личной виной.

В самом деле, уже вначале, после процитированной газетной заметки («Причиной, побудившей Коновалова к самоубийству, как заключил тюремный доктор, следует считать меланхолию»), автор четко формулирует совершенно иную задачу:

«...мне, может быть, удастся несколько яснее осветить причину, побудившую этого задумчивого человека уйти из жизни, я знал его».

Дни первого знакомства рассказчика с Коноваловым — попытка понять его душу, характер, тем более что пекарь искренне исповедуется. Постепенно узнавая Лёсу, Максим сравнивает его с другими босьяками и сразу говорит об их склонности к выдумкам, особенно о женщинах. Не жалует автор такие фантазии, замечает о них иронически:

«И обыкновенно босьяк рассказывает о ней (женщине. — В. П.) в скептическом тоне, с массой подробностей, которые унижают ее».

Коновалов отделен от таких босьяков. Максим не мог не поверить этому «гигантскому ребенку». Но, сходясь все более и более душевно, увлеченные работой, любовью к песням, к чтению книг, они все острее ведут разговоры о жизни. Тут-то начинается и продолжается до самого конца спор Максима с Коноваловым. Пекарь оказался весьма упорным в своих мыслях, и рассказчик, как говорится, потерпел поражение:

«Я разубеждал его, но в моих речах он еще более черпал уверенности в своей непригодности к жизни...».

Спор с различными персонажами, в том числе с теми, которым автор во многом симпатизирует, — очень

характерная черта Горького-художника. Рассказ «Коновалов» среди ранних произведений писателя весьма примечателен тем, что здесь эта черта выступила наиболее отчетливо. Позднее Горький неустанно многогранно разрабатывает прием полемики с персонажами. Это было для него одной из необходимых форм проявления активности авторской позиции.

Когда стремишься понять Горького-художника, нужно проникнуть в подлинную сложность внешне простых форм его произведений. Обычно Горький выбирал самые скромные, так сказать, незазывные заглавия. Часто они даются по именам персонажей («Емельян Пилий», «Варенька Олесова», «Васса Железнова», «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие», «Сомов и другие»...). Нередко определяют время или место действия («Детство», «Городок Окуров», «На полях», «На соли», «По Союзу Советов»), а то и просто сразу предвещают характеристику основных персонажей («Былые люди», «Варвары», «Враги», «Дачники», «Жизнь ненужного человека», «Мещане»).

Избегал Алексей Максимович «броскости» в жанровых определениях своих вещей — ни одно большое произведение не назвал романом, именовал их повестями, драмы — сценами, а термин «рассказ» неоднократно повторял в самом заглавии: «Рассказ об одном романе», «Рассказ о безответной любви», «Рассказ о герое», «Рассказ о необыкновенном», «Рассказы о героях»...

Правда, в молодости Горький был даже щедр на жанровые выдумки: «Изложение фактов и дум, от взаимодействия которых отсохли лучшие куски моего сердца», «Очище, который лгал, и о дятле — любителе истины», «Баллада о графине Элен де Курси, украшенная различными сентенциями, среди которых есть весьма забавные...». Сказки, иллегсрии, святочные рассказы, очерки, картинки, наброски, эскизы, элгии, легенды, этюды — все это молодой Горький выносил в подзаголовки. С течением времени он отказывается от жанровых пояснений. И это как раз тогда, когда в литературе XX века разжигалась страсть ко всяческой оснаментовке.

Однако внешняя простота произведений Горького вовсе не означала отказа от поиска новых форм, новой художественной выразительности. Взять, например, ту же повесть. Только при невнимательном взгляде может показаться, что повести у Горького однородны, скреплены лишь «житийным сюжетом». Дескать, вот жития Фомы Гордеева, Матвея Кожемякина, Артамоновых, Клина Самгина. Между тем все эти повести, в которых действительно рассказывается о больших периодах жизни персонажей, а порой и обо всей их жизни от рождения до смерти, всякий раз предстают как новый, своеобразный роман. В сущности, Горький непрерывно раздвигал рамки романа и добивался все большей его насыщенности социально-историческими событиями. Недаром венчают его повести два таких колосса, как «Дело Артамоновых» и «Жизнь Клима Самгина».

Горький неизменно усложнял свой художественный поиск, включал в одновременное действие десятки, сотни персонажей и благодаря этому воспроизводил характерный облик определенных эпох — от реформы 1861 года, чаще от народнического периода до социалистической революции. Второе заглавие — «Сорок лет», которым он сопровождает «Жизнь Клима Самгина», означает не только хронологию, а именно указывает на художественно-обобщенный облик эпох, через которые прошла Россия до 1917 года.

Таких художественных задач никто из писателей-современников Горького на свои плечи не взваливал. Трудно даже поверить, как мог один человек держать в уме да еще во всей образной конкретности огромнейшую галерею лиц, представляющих все слои России, все оттенки политических идей, умонастроений.

Жажда синтеза, непрерывное стремление к нему отличали Горького-художника.

Не раз отмечалось: фигуры, нарисованные Горьким, как бы физически осязаемы и пластичны. В немалой степени поэтому именно театр и кино часто инсценируют и экранизируют горьковские произведения. Режиссерам — необыкновенный простор для сценических интерпретаций. Актерам есть что играть!

В горьковском мастерстве изображения характеров очень важно отметить постоянное внимание автора к идейным и психологическим переменам в сознании его героев.

Конечно, в маленьких зарисовках или в эпизодических персонажах Горький создавал своего рода «ментальные снимки» с резким освещением главных человеческих черт. Кстати, об искусстве моментальности весьма одобрительно говорил сам Горький. Он увидел эту способность А. С. Макаренки еще до того, как тот стал автором «Педагогической поэмы», и писал о нем: